

Игорь Дудардович

ПОЛЕЗНЫЕ КНИГИ

О КНИГАХ:

Х. Реттиг «ПИСАТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО», Дж. Перри «ИСКУССТВО ПРОКРАСТИНАЦИИ», Ю.Н. Харари «SAPIENS», Дж. Даймонд «МИР ПОЗАВЧЕРА», Н. Жуков «МОДИЦИНА» И «МОДИЦИНА 2», С. Филлипс «...ИЗМЫ».

На задней стороне обложки одной из книг написано: «Максимально полезные книги» — как раз то, что нужно. Именно такие книги составляют основу моего чтения для отдыха, куда, кстати, художественная литература почти не входит, потому что это — *отдельное* и, так сказать, менее «полезное» чтение. Иными словами, этот обзор я посвящаю литературе нон-фикшн — наиболее интересной, «эффективной», модной и концептуальной, а также лечащей мракобесие, как и любая хорошая литература, — прочитанной в этом году.

Начнем с очень модного словечка — прокрастинация¹, которое звучит, однако, не очень приятно, ассоциируясь с неким варварским травмирующим процессом. То и дело сегодня плодятся разные статьи, где авторы бестселлеров дают советы вроде того, как написать книгу за две недели. Выходят, соответственно, и книги, масса книг. Мое же дело предложить две, на мой взгляд, лучшие, которых будет достаточно, чтобы встать на путь кайдзен². Я, например, начал с того, что навсегда избавился от телевизора.

¹Прокрастинация — склонность к постоянному откладыванию дел, особенно срочных и важных, отсрочка в принятии решений, уклонение от обязательств по причине разного рода страхов, вызванных перфекционизмом и прочим.

²Кайдзен — японская философия, проповедующая постоянное самосовершенствование с помощью небольших шагов, непрерывное улучшение деятельности с целью увеличения ценности и уменьшения потерь.

Первая книга — Хиллари Реттиг «**Писать профессионально**»¹, или «Семь секретов продуктивности» («The Seven Secrets of the Prolific» — оригинальное название).

Хиллари Реттиг была бизнес-тренером, а также занималась кредитованием, пока не сосредоточилась на проблемах писателей. Опыт Реттиг позволил ей выявить общие для всех, не только для людей «материальных», но и для людей творчества, причины, препятствующие самореализации, притом как непосредственные, так и глубинные, и проанализировать их взаимосвязь. Собственно, об этом ее книга — о психологии малопродуктивных или «травмированных» писателей, о начинающих, которые сильнее подвержены писательским блокам: «Наиболее сложные случаи писательских блоков принимают формы растрачивания и чрезмерного погружения. Растрачивание — это когда вы жертвуете своей мечтой о творчестве ради других занятий: заработка, создания семьи или участия в общественной работе. Возможны также жертвы и ради менее серьезных вещей <...> Чрезмерное погружение — по смыслу противоположно растрачиванию и означает, что вы жертвуете всем ради писательства <...> Растрачивание и чрезмерное погружение — ошибки перфекциониста, отражающие манию величия <...> максимализм <...> и другие симптомы перфекционизма».

«Как побороть прокрастинацию, перфекционизм и творческие кризисы» — подзаголовок книги, и далее в семи главах Реттиг предлагает последовательные шаги от распознавания и преодоления перфекционизма до появления «слоновой кожи» против неприятия окружающих и критики. Реттиг глубоко анализирует проблему, и самое первое и важное понимание, которое приходит: что прокрастинация и перфекционизм — вещи взаимосвязанные: «Сопровождаемый страхом (или, скорее, ужасом) перфекционизм вызывает прокрастинацию». В общем, автор стремится научить нас смотреть на литературное творчество «по-взрослому», то есть более реалистично, так как «сама мысль о том, что писательство — это священная миссия, непродуктивна. Она порождает завышенные ожидания».

Книга написана с учетом психологии прокрастинатора и вообще современного интернет-читателя, который если и возьмется за

---

¹Хиллари Реттиг. Писать профессионально. Как побороть прокрастинацию, перфекционизм и творческие кризисы. Перевод с английского Ю. Пиминовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 272 с.

длинное и чрезвычайно подробное чтение, то совершенно точно не продвинется далеко, поэтому каждая глава разбита на более мелкие подглавки с пунктами и подпунктами. Названия подглавок нередко даны в форме тезиса: «Перфекционисты придают результату больше значения, чем процессу».

Важным выводом Реттиг становится диагноз самому обществу: «Мания величия — проблема для писателей, потому что наши СМИ и культура насквозь пропитаны претенциозными мифами и ложными представлениями о писательстве. Писатели-новички становятся их жертвами». Мифы и стереотипы распространяют в том числе успешные писатели в чванливых и позерских высказываниях о писательском труде: «То же самое можно сказать и о вычурном самовосхвалении Уильяма Фолкнера, прозвучавшем в интервью Paris Review. “Единственная обязанность писателя — его искусство <...> Если писателю потребуется обокрасть собственную мать, он сделает это без колебаний”».

Отдельную полезность в книге представляет восьмая глава, посвященная публикационной тактике и разным этическим моментам — «Освобождение от эксплуатации в писательской карьере». Если пересказывать в двух словах, то традиционный издательский путь с публикациями в журналах и литературными агентами Реттиг считает невыгодным, выступая за самиздат и самостоятельный маркетинг. Один из разделов так и называется: «Публиковаться самостоятельно — единственный правильный путь».

Читая Реттиг, я постоянно вспоминал мой Литературный институт, который, если судить мерками этой книги, можно назвать институтом профессионального выставления блоков, прокрастинации и перфекционизма. Студенты-ЛИТовцы известны своими жалобами на то, что у них «не пишется». Мне памятно высказывание одного из преподавателей: «Здесь не учат писать — здесь дают высшее образование». В конце книги специальное приложение с отдельными рекомендациями для студентов, аспирантов, их научных руководителей, а также других академических писателей.

Книга Реттиг очень подробная, дельная и тонкая, однако в стремлении предельно разобраться в проблеме и разложить все для упрощенного понимания, автор, как мне кажется, получила побочный обратный эффект — усложнения: во всех этих упражнениях и советах даже непрокрастинатор может потеряться и забыть о главном.

Куда ближе по духу и восприятию для меня оказалась маленькая и внешне аскетичная (голый прессованный картон и только корешок обтянут черной тканью) книжка эссе **Джона Перри «Искусство прокрастинации»**¹.

Перри дает аналогичные советы, что и Реттиг, и так же выявляет взаимосвязь прокрастинации и перфекционизма, однако его подход к «болезни» совершенно иной. Он также выражен в длинном названии: если Реттиг стремится «побороть», то Перри — «правильно тянуть время, лоботрясничать и откладывать на завтра». Эта книга самоиронична с самого начала и насквозь: «Нелишним бонусом будет и целый ряд симпатичных понятий, которые можно применить к себе, таких как акразия, горизонтальная организация, приоритетность заданий, синдром незакрытых скобок».

Автор не стремится дать исчерпывающее количество советов, чтобы буквально напшиговать «болезнь» этими пулями рациональности и, казалось бы, не оставить ей никакого шанса. Вспоминается момент в фильме «Терминатор» и Роберт Патрик в роли «Т-1000»: пули этому роботу были не страшны — он их буквально поглощал и делал частью себя благодаря так называемому «мимикрирующему полисплаву».

Что характерно, Перри — философ, а не бизнесмен, кроме того, он профессор Стэндфордского университета. За свое первое эссе о прокрастинации, с которого начинается книга и которое впервые было опубликовано в 1996 году, он удостоился Шнобелевской премии. Так в чем же суть его работы?

Во-первых, Перри вводит симпатичное понятие «упорядоченный прокрастинатор» — «то есть человек, который успевает сделать многое, не делая чего-то другого». Перри замечает, что прокрастинаторы, на самом деле, не бездельники, и что обычно они выполняют массу полезной работы. В итоге он предлагает некую простую стратегию: «Упорядоченная прокрастинация — это искусство, заставляющее ваш недостаток работать на вас». Смысл в так называемой приоритетности — в списке, который есть у всех на бумаге или в голове и к которому мы все, как правило, подходим с конца, где мелкие дела, а не с начала — там мозолят глаза самые важные и срочные. Если научиться правильно собой манипулировать с учетом того фактора, что вы

---

¹Джон Перри. Искусство прокрастинации: как правильно тянуть время, лоботрясничать и откладывать на завтра. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.

всегда будете заниматься не тем, чем должны в настоящий момент, то это и будет называться упорядоченной прокрастинацией. Условно говоря, чтобы решить одну большую задачу, над ней нужно поставить задачу побольше, а лучше сразу несколько более крупных, чтобы они давили всем весом: чтобы написать рассказ, нужно задумать повесть, нет, роман, чтобы написать роман, нужно задумать сразу трилогию с киносценарием по ней. Конечно, необязательно это должны быть дела одного порядка — чтобы написать эссе, можно просто, например, как Перри: «...[не] проверять работы студентов, [не] заполнять заказы на учебники, [не] отрецензировать заявку в Национальный научный фонд и [не] прочесть черновик диссертации».

Если Перри подходит к вопросу философски и главная его цель — испытанное читателем облегчение: «помочь упорядоченным прокрастинаторам избавиться от душевных мук, а не от прокрастинации как таковой», то Реттиг с ее глубочайшим пониманием стремится все чрезмерно рационализировать и вести борьбу, пусть и с оговорками, но до победного конца. Про такие книги профессор-философ замечает в самом конце, что они, как правило, написаны непрокрастинаторами. Например, в отношении автора этой статьи строгий тайм-менеджмент (с бюджетом времени в 112 часов в неделю), пропагандируемый Реттиг, абсолютно не сработал. Совсем другое дело — ежедневно составлять банальные списки, как рекомендует Перри. И все-таки главный эффект обеих книг прежде всего терапевтический — чувство, что ты не одинок в своей беде.

«Откажитесь замечать раны, и они сами исчезнут», — Марк Аврелий.

Так называемую мировую сенсацию, книгу известного израильского историка **Харари** «**Sapiens**»¹ я впервые с удовольствием слушал по радио — это был «Литературный сериал» на «Культуре». Тогда она вызвала большой интерес и какое-то время была моей «вожделенной штучкой», однако, прочитанная на бумаге, стала глубоким разочарованием. Честно говоря, мне еще никогда не попадался настолько пустоватый, написанный столь общо, даже в чем-то наивный и вместе с тем претенциозный и разрекламированный научпоп.

---

¹Юваль Ной Харари. Sapiens. Краткая история человечества. Перевод с английского Л. Сумм. М.: Синдбад, 2017. 570 с.

На «Медузе» Галина Юзефович рекомендовала эту книгу среди «семи отличных книг в жанре нон-фикшн — познавательных и увлекательных, которые нельзя пропустить». В кратком обзоре Юзефович пишет: «Концептуальный, яркий и полемичный “Sapiens” — самый увлекательный нон-фикшн, опубликованный по-русски за прошедший год и, пожалуй, лучшая книга в этом жанре со времен “Ружей, микробов и стали” Джаред Даймонда». Конечно, ежедневная практика критика-ревьюера — это конвейер, отсюда и осознанный риск лукавства, и пафос, как и в крутых рекламных цитатах на обложке из «Forbes», «The Telegraph», «The New York Times» от Билла Гейтса и даже от самого Даймонда. В сравнении с известными мне книгами последнего — эволюционного биолога, физиолога, биогеографа и опытного антрополога, много лет проводшего среди индейцев в Папуа–Новой Гвинее и, в частности, с теми же «Ружьями, микробами и сталью», за которых автор удостоился Пулитцеровской премии, — Харари выглядит просто университетским домашним мальчиком.

Юзефович лукавит хотя бы потому, что лучше **Даймонда** в этом жанре пока может быть только сам Даймонд, что доказывает последняя его вышедшая книга «**Мир позавчера**»¹, год назад ставшая доступной и русскому читателю, которую я решил взять для сравнения и которую читал одновременно с «**Sapiens**». Эти книги — полные противоположности, как абсолютный плюс и такой же минус, как научпоп в лучшем и в худшем понимании. Примечательно, что имя Даймонда в книге Харари не только на обложке — в конце последний благодарит первого, «который учил его смотреть шире». Однако пример «Sapiens» показывает, что бывает, когда за подобный труд, тем более столь амбициозный, как «Краткая история человечества», требующий самой широкой специализации, берется человек, судя по всему, не вполне компетентный, и в итоге сама книга написана пусть и с блестящей ясностью, но *узкого* знатока и энтузиаста.

Иначе я бы описал эту разницу — как между классическим романом и популярной документально-познавательной телепередачей.

Книга Харари — военного историка-медиевиста, в свое время учившегося в одном из колледжей Оксфорда, профессора истори-

---

¹ Джаред Даймонд. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке. Перевод с английского А. Александровой. М.: Издательство АСТ, 2016. 672 с.

ческого факультета Еврейского университета в Иерусалиме — напоминает мне развернутый, блестяще написанный сценарий к такой передаче, вроде сериалов «Би-би-си», — пафос и подача материала практически одинаковые. Маркетологи постарались, и в этом духе на задней стороне обложки изложено практически все содержание, все главные идеи: «Мы правим миром потому, что ни одно другое животное не способно верить в то, что существует только в воображении, — богов, государство, деньги или права человека» или «Человек скоро исчезнет. С помощью новейших технологий в течение, возможно, нескольких десятилетий он превратит себя в совершенно иное существо». Или из рекламы будущей книги — «Homo Dues. Краткая история будущего»: «...я попробовал заглянуть в будущее и “увидел”, как уже в этом веке <...> мы будем превращаться в Homo deus». Звучит, будто написано для трейлера или заставки. А передача эта о том, как ничем непримечательное животное, недавняя обезьяна, а ныне человек, избрав себе путь главного хищника и Каина («Мы — самый смертоносный вид в анналах биологии»), вдруг превратилась в бога-самозванца. Четыре части — четыре серии: «Когнитивная революция», «Аграрная революция», «Объединение человечества» и «Научная революция».

Для такого продукта характерны минимум полезной информации, которую слушатель/зритель способны усвоить, а также громкие спекулятивные утверждения, идеи и смыслы, давно раскрученные в медиапространстве. Среди таковых есть уже ставшие научными мемами — например, что, возможно, это Homo sapiens послужил причиной исчезновения неандертальцев, или, что раньше, в эпоху охотников-собирателей, людям жилось лучше всего. Отсюда же и распространенные в книге типичные обороты: «Некоторые считают», «Большинство исследователей сходятся», «Большинство исследователей считает». При этом не стану говорить о просто притянутых фактах и спорных моментах или грубых тенденциозных умолчаниях — автор на протяжении всей книги повторяет про «Аполлон-11» и ни слова о Гагарине или Леонове, и только лишь в конце: «После спутника и Аполлона-11». Умолчание, как известно, — мощное оружие фальсификации.

В конце концов, мне кажется, что Харари вполне осознанно выбрал для себя эту откровенно медийную научно-попсовую нишу, где больше ценятся визуальные эффекты и где может быть доста-

точно одного лишь понимания, прилежания, способности обращаться с материалом, систематических знаний и ловкости в постановке интриги.

Если «Sapiens» — сериал «Би-би-си», то книга «Мир позавчера» Даймонда — своего рода классический роман в мире научпопа. Она посвящена детальному разбору жизни в традиционных обществах, преимущественно новогвинейцам, и в то же время в ней просматривается четкий сюжет — это история одного из многих путешествий и одновременно история путешествия длиной в целую жизнь.

Сначала мы оказываемся в аэропорту Порт-Морсби, столицы Папуа–Новой Гвинеи, откуда автор собирается полететь куда-то дальше (в другую часть острова?): «...названия мест назначения на табло вылета тоже выглядят экзотически: Вапенаманда, Горока, Кикори, Кандиава, Вевак». Даймонд присматривается к пассажирам и служащим аэропорта и размышляет об изменениях, «на которые у значительной части остального мира ушли тысячи лет» и которые начались, когда австралийцы в 1931 году обнаружили в горах миллионы земледельцев, еще пользовавшихся каменными орудиями: «...некоторые из моих друзей-новогвинейцев рассказывали мне, что всего за десять лет до нашего знакомства они еще изготавливали каменные топоры и участвовали в традиционных сражениях между племенами». Папуа–Новая Гвинея получила независимость от Австралии в 1975 году.

Далее ученый показывает нам разные стороны жизни и истории индейцев. Вот названия некоторых частей книги: «Друзья, враги, незнакомцы», «Традиционные формы торговли», «Компенсация за смерть ребенка», «Формы традиционных войн», «Воспитание детей», «Как обращаться со стариками: заботиться, бросать или убивать?» и т. д. Однако мы не просто заглядываем в наше не такое уж далекое прошлое — «мир позавчера». Только богатый личный опыт ученого, путешествий и общения позволил Даймонду задаться таким вопросом, из которого вырос концепт книги, выведенный в подзаголовке: «Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке». Это и есть задача «путешествия» — почувствовать разницу и попытаться впервые серьезно осмыслить наши потери и приобретения: «Традиционные общества могут не только продемонстрировать нам лучший образ жизни, но и помочь оценить не-

которые преимущества нашего собственного общества, которые мы воспринимаем как само собой разумеющиеся».

Даймонду неоднократно приходилось попадать в ситуации, связанные с риском для жизни: случай во время ночевки в лесу, где жил и бродил могущественный, по словам местных, колдун, а по сути просто сумасшедший маньяк — «О нем говорили, что он убил многих местных жителей, включая своих двух жен и своего восьмилетнего сына за то, что тот съел банан без его разрешения». Каждый раз ученый выработывал новое, несвойственное западному человеку, отношение к опасности и учился другим реакциям — Даймонд вводит понятие «конструктивной паранойи». Поэтому многие голословные утверждения Харари, не считая тех, которые были бы просто опровергнуты («Инфекционные заболевания представляли для охотников и собирателей меньшую угрозу»), у Даймонда приобретают объективное твердое звучание.

Одному из спорных вопросов — войнам (в традиционных обществах) Даймонд посвящает отдельные главы: «Короткая глава о маленькой войне» и «Более длинная глава о различных войнах». На примере последних известных и документально подтвержденных («за ними наблюдали и их снимали на пленку антропологи») традиционных войн — войны «дани» (двух племенных союзов, принадлежащих к одной народности), — Даймонд рассматривает ряд вещей: «Временной распорядок войны», «Военные потери», «Определения войны», «Влияния контактов с европейцами» и многое другое. В итоге делается поразительный вывод, который полностью опровергает теорию войн Жан-Жака Руссо¹: «Сравним теперь эти показатели военной смертности (общее число умерших от связанных с войной факторов, поделенное на число годов долгого периода, на который приходились и годы войны, и годы мира, и сопоставленное с общим числом смертей за этот же период) для традиционных малочисленных сообществ и современных больших государств. Оказывается, что самые высокие значения для любого современного государства (Германии или России в XX веке) составляют всего одну шестую от таковых для дани. Средние же показатели для современных государств составляют примерно одну десятую средних показателей военной смертности для традиционного сообщества».

---

¹Жан-Жак Руссо считал, что войны возникли вместе с государствами, а люди изначально склонны к миру и от природы сострадательны.

Отдельные разделы книги касаются национальных и редких языков, проблем их изучения и сохранения, а также преимуществ многоязычия (поли- и мультилингвизма). Автор вспоминает радиопередачу Би-би-си со звонками от людей, рассуждавшими так: «7000 языков — это на 6990 больше, чем нужно, если хотите знать мое мнение. Пусть они исчезнут». Для сравнения две цитаты из Харари: «В таком случае существование без малого 200 национальных государств — скорее помеха, чем подмога»; «Всемирная империя создается у нас на глазах <...> Каждый решает для себя вопрос: откликнуться на призыв или замкнуться в лояльности своему народу и государству». Не знаю, где в Харари критики разглядели убежденного социалиста, когда он, на самом деле, откровенный и наивный космополит (космополитизм, как известно, одна из сторон либерализма) и односторонний сторонник западной глобализации, типичным образом забуксовавший на колониальности/постколониальности. Даймонд никогда бы не употребил такое словосочетание по отношению к индейцам, как «узости взглядов», например, даже ради стройности фразы. И снова о языке и государственности у Даймонда: «Язык может быть стержнем национальной идентичности и уберечь народ от распада не только в случае национальных меньшинств, но и для целых государств».

В общем, «Мир позавчера» в отличие от «Sapiens» больше подходит под определение (и без всяких визуальных эффектов) «Краткой истории человечества». Сюжет закольцовывается, и мы оказываемся в другом аэропорту: «Совсем иные чувства обуревают меня, пока я выруливаю из аэропорта Лос-Анджелеса на автостраду № 405. Всюду вокруг только асфальт, здания, автомобили».

В книге Реттиг, с которой мы начали, в главе 3 любопытная таблица: «Список ресурсов для постоянной (серьезной) писательской деятельности». Среди важных ресурсов — «Специалисты в области медицины, питания, психологии и т. д.» Трудно представить, конечно, чтобы у наших писателей были личные психологи, не говоря о диетологах и всяких тренерах. Но здоровье все-таки важно, поэтому я бы просто заметил этот пункт на две книги **Никиты Жукова**, по сути, двухтомник: «Модификация»¹ и «Модификация 2»², — быть может, это и не компромисс совсем, зато чтение крайне увлекательное, особенно «Расстрельные спи-

¹Никита Жуков. Модификация. Encyclopedia Pathologica. М.: Издательство АСТ, 2017. 512 с.

²Никита Жуков. Модификация 2. Апология. М.: Издательство АСТ, 2016. 480 с.

ски лекарств», предназначенные в первую очередь для наших родителей, бабушек и дедушек, с советских времен свято верящих в таблетки.

Никита Жуков — молодой врач-невролог, блогер и просто хипстер — начал с того, что создал в интернете «ультрапопулярный проект “Encyclopatia” (от Encyclopedia Pathologicae — патологическая энциклопедия)» (из аннотации первой книги. — *И. Д.*). На главной странице сайта написано: «Такая особенная википедия по медицинским штукам». Затем появились книги, представляющие собой сборники лучших материалов оттуда.

Обе «Медицины», оформленные в «анатомическом стиле» — с рисунками из медицинских учебников, — вышли в «АСТ» в серии «Научпоп Рунета»: «...первый нескучный научпоп о современной медицине, о наших болячках, современных лекарствах и человеческом теле», — все из той же аннотации первой книги. Название, как нетрудно догадаться, переводится как «модная медицина». На вопрос, какая медицина сейчас модная, в одном интервью Жуков ответил: «Научно-доказательная, та, которой у нас в России нет. Это крайне печально. Однако наука хоть как-то еще пытается двигаться, научных популяризаторов тоже довольно много». Будучи активным популяризатором, Жуков, как он сам выражается во вступлении к первой книге, «пишет для аудитории с развитой одной интересной штукой в голове, внешне очень напоминающей ядро грецкого ореха».

Цель всего проекта — разоблачение «некомпетентных домыслов вне подтвержденных исследований» (вроде того, что пробиотики замещают собственную микрофлору человека), альтернативной медицины (гомеопатия — это секта), веры в чудеса (магифрения) и прочей «космической ереси» (детоксикация клизмой), фанатиков ЗОЖ и разных домашних и тупых мифов: «До 80-х годов XX века у онанирующих росли волосы на ладонях, что было несколько неудобно, но с приходом терпимости и гуманности во всем мире, они внезапно перестали расти». Жуков на пальцах объясняет, кто такой последователь Остапа Бендера в медицине, что такое сахарный диабет, сибирская язва, чума, и это только то, что касается первой книги, тогда как во второй — продолжение: деменция, инсульт, вторичные головные боли, курение и электронные сигареты и т. д.

Вторая «Медицина», однако, не столь разнообразна, но в ней есть пара интересных моментов. Например, наряду с «Расстрельным списком» впервые дается «Список классных лекарств». В этом сборнике

автор отдельно затрагивает тему доказательной медицины и ее критики в главах с соответствующими названиями. Снова «с помощью своего мачете» он пробирается сквозь дебри невежества и мракобесия: «...есть относительно новый (ему 20 лет уже) виток в развитии под названием “доказательная медицина”, которая уже прижилась в цивилизованном мире и пытается охватить страны третьего мира, где совковые врачи...»

Рассмотрим сам инструмент — «мачете» Жукова.

«Медицины» — тот же сайт, только на бумаге. В них полностью воспроизводится «сайтовая» структура — каждая глава строится по одному и тому же композиционно-эстетическому принципу и делится на части: «Истори», «Что это», «Как это работает», «Доктор, что со мной будет?» Соответственно, все статьи написаны достаточно кратко, емко и самым что ни на есть живым языком, что выражается и в оформлении текста (жирный шрифт, курсив, зачеркивание — эдакий ЖЖшный стиль).

Жуков охарактеризовал проект как «такую особенную википедию», однако стилистически или, точнее, лексически это все-таки ближе к «Луркоморью» (Lurkmore), а язык Жукова — своего рода адаптированный «луркоязы», и единственное важное отличие, быть может, в том, что из ненормативной лексики автором не употребляется только мат, хотя сам он пишет об этом: «Мне многие указывают на критический уровень сарказма в стиле изложения, и некоторые диванные эксперты говорят, что читать такое невозможно <...> Обвиняют также в непрофессионализме, типа врач не должен говорить вообще, пользоваться немедицинскими терминами или там использовать брань/мат», — автор посвящает этой теме отдельную главу второй «Медицины» под названием «Сарказм и максимализм». В общем, это все тот же неформальный, полушуточный и саркастический стиль с использованием сленга, сетевого жаргона, с байками и анекдотами (историями из врачебной закулисы) и т. д. Книжки, таким образом, выглядят как занимательные справочники для «продвинутых», так как «не-юзеру» местами будет просто непонятно, например, что такое «фейспалмить», «скилл» или «пофапать». В этом видится расчет — троллинг тех самых совковых врачей — говорить непонятно, чтобы указать на непонимание/незнание.

«Мачете», выбранное Жуковым, — это одновременно и язык борьбы, и язык доверия, «дружбы», очень личный язык, исключая

ющий всякий намек на элитарность: «Даже специалистам наскучивает читать текст, изложенный академическим стилем учебника <...> Какой тут может быть полезный и приятный вариант? Только один — ненапрягающая теплая беседа со знакомым врачом, который ~~выжрет весь ваш виски~~ не будет топить в снобизме...» (*здесь и далее зачеркивание автора. — И. Д.*). Соответственно, все это очень личные книги, сам проект, за которым ясно виден автор, в чем огромный плюс.

Отдельная большая заслуга Жукова — разоблачение фуфломидинов, лекарственных средств сомнительного либо недоказанного действия: «Расстрельный список препаратов», — одна из наиболее полезных и любопытных частей обоих сборников. Список в алфавитном порядке, а перед ним небольшое вступление с описанием авторитетных источников информации: что такое Cochrane, ВОЗ, ЖНВЛП, РКИ, РЛС и т. д. Подробно об исследованиях препаратов и правилах ориентирования в доказательствах написано в главе «Доказательная медицина» во втором сборнике. А теперь первое, что меня удивило на букву «А»:

Арбидол/Арпетолид/Арпифлю/ОРВИтол/Иммустат/Arbidol/Utifepovir — бриллиант коллекции, на котором распилен не один олимпиад рублей. Изобретенный еще в 1930-х годах и незаслуженно забытый, был вспомнен, когда нужно было придумать дешевую альтернативу дорогому Тамифлю. Десять вражески-буржуйских таблеток от гриппа стоят более тысячи, поэтому было решено дать народу золотую пилюлю под брендом фармгения СССР за 100 рублей. А то, что оно не работает, это ничего, если всех убедить, то грипп все равно будет побежден. Или сам пройдет¹.

Очевидно, не за горами и третий сборник. Для поклонников сайта Жуков повесил объявление: «У автора был творческий запой кризис отпуск! Хватит паниковать, проект не заброшен, ща третью книгу закончу и снова начну сюда писать».

И финальную часть обзора я посвящаю трендам. Какой сейчас один из главных трендов? Это, конечно, современное искусство, в разговоре о котором почти что невозможно обойтись без жвачки какого-нибудь «изма». Кто-то эти «измы» активно не переваривает,

¹Сохранен стиль автора.

впрочем, как и современное искусство, однако если смотреть шире (во-первых, современное искусство — довольно обширное, если не сказать всеобъемлющее понятие), то в мире сейчас строятся два вида храмов — шопинг-центры, где мы удовлетворяем нашу плоть, и арт-центры, куда можно сходить и посмотреть на что-то, пока еще не подвластное твоему разуму, но, так или иначе, им завладевшее. Арт-центры, если верить некоторым известным современным «художникам-бандитам», — сегодня едва ли не самый прибыльный бизнес на Западе. Поэтому название книги **Сэма Филлипса**, британского искусствоведа и редактора журнала «Frieze», выросшего из одноименной арт-ярмарки, лежало на поверхности — «...Измы»¹.

Филлипс создал уникальный (формата «покетбук»), подходящий как для студентов-искусствоведов, так и для любителей нескучный справочник, где всего на каких-то 160 страницах рассказывается обо всем современном искусстве от его зарождения до наших дней — 150 лет, начиная с импрессионизма, который, кстати, до сих пор в ходу. Один «изм» вместе с цветными иллюстрациями умещается на двух страничках. Прелесть этой книги в том, что она «не требует от читателя досконального знания современного искусства; все специфические термины, которые в ней используются, приведены в конце книги в алфавитном порядке». В общем, идеальная «пицца» для страстных и мещанского типа неофитов, которые всегда ходят с набитым ртом и роняют на пол свою непрожеванную еду — всяческие такие словечки.

На обложке из узанного — писсуар, простите, «Фонтан» Дюшана, «Портрет Блох-Бауэр» Климта, Иаков с ангелом из «Видения после проповеди» Гогена... Внутри система цветов или красочное содержание — в буквальном смысле: каждому периоду соответствует свой цвет, которым наверху покрашены страницы: малиновый — середина-конец XIX века, травянисто-зеленый — начало XX-го, середина — охра, конец — темная бирюза и красный — XXI век. Еще серый цвет — служебные части книги, такие как «Введение», «Как пользоваться этой книгой», алфавитные указатели, источники и т. д. Все это позволяет легче ориентироваться, однако непонятно, по какому принципу автор выбирал тот и или иной цвет — руководствовался ли он только своими чувствами или здесь все-таки есть какая-то логика и символика.

¹Сэм Филлипс. ...Измы: как понимать современное искусство. Перевод с английского М. Визеля и Н. Чаминой. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014. 160 с.

Автор опирается на самую употребительную классификацию, и описание «измов» четко структурировано. Оно делится на пункты, обозначаемые специальными кружками, включая кружки с аббревиатурами, которыми выделяются четыре типа «измов», например, ОКТ — общий культурный тренд (экзистенциализм, постмодернизм) или НПХ — название, придуманное художниками (лучизм, абстрактный экспрессионизм). Каждый «изм» начинается с краткого изложения сути, затем перечисляется не более пяти художников и ключевые понятия, затем идет основной текст, разъясняющий идеи и методы и подробнее рассказывающий о представителях и т. д. Филлипс, как сказано на обложке, «создает своего рода карту траекторий, по которым развивалась художественная практика новейшего времени». В конце справочника любопытная «Хронология “измов”» — временная шкала от пришествия импрессионизма до настоящего времени («интернационализма»), на которой видно, как эти группы, стили и школы возникали в качестве реакции одного на другое, параллельно развивались и заканчивались.

Сколько мы знаем «измов» в обычной жизни — пять-десять? Или лучше сразу отмахнуться: «Ой, не надо столько “измов”!» В книге Филлипса их более полусотни. Некоторые звучат забавно, к примеру, «реализм кухонной мойки» (британское реалистическое направление), но в основном они все просто экзотические: «прецизионизм» (американское направление, репрезентирующее архитектуру и индустрию), «Арте Повера» (создано итальянскими художниками, широко использовавшими повседневные материалы — от овощей до тряпья) и т. д. Из общеизвестных — наша отечественная, чисто русская разработка и вечная гордость — конструктивизм.

При том, что «измов» столь много, не все, как пишет автор, попали в его путеводитель: «...потому что они не сумели поймать и отразить *Zeitgeist* (“дух времени”). Недавний пример — “Альтермодернизм”...”» (*написание автора. — И. Д.*). Кроме того, не попали некоторые значимые художники, «творчество [которых] слегка выходит за рамки конкретного “изма” — например, знаменитая мексиканская художница Фрида Кало, испытавшая большое влияние сюрреализма, но не представляющая его».

По той или иной причине, но в «XXI веке» у Филлипса нет русского акционизма — «собаки-человека» (Олега Кулика), фаллоса на мосту, Козы и Вора (Натальи Сокол и Олега Воротникова — арт-

группа «Война»). Насчет последних отмечу, что книга впервые вышла в 2012 году, то есть как раз на пике мировой любви к ним. Нет, кстати, в справочнике и ни одного русского музея современного искусства — в «Списке рекомендованных музеев». Наверное, потому что их просто нет? Из нынешних арт-звезд у Филлипса — Дэмиен Херст, Джефф Кунс и Бэнкси.

С «измами» не соскучишься. Помню, как мы со школьным товарищем, сидя на переменах с «Русским стихом» Гаспарова и «Библиотекой поэта», искали все новые «измы», испытывая на себе этот драйв, и даже придумали один собственный, гордо опубликовав манифест на сайте «Рифма.ру». Этот наш «изм» я уже не помню, но тогда нам нравились футуристы и, кажется, это был какой-то «новый» футуризм. Классное было время.

